

УДК 32.019.5(571:73):94(73)''19''

Тихий К.Т.
Tikhij K.T.**Пролог «большой чистки». (Убийство С.М. Кирова
и мнение американских дипломатов)****The Prologue of "Great Purges".
(Kirov's Murder and the Opinion of American Diplomats)**

Представленная работа посвящена анализу проблем формирования отношения официального американского истеблишмента в лице дипломатов к началу массовых политических репрессий в Советском Союзе в 1934-1936 гг. Даны оценки и перспективы данного явления.

Ключевые слова: американское общественное мнение, политические преследования в СССР, американская дипломатия, образ СССР в США в середине 1930-х гг.

The submitted work is devoted to the analysis of the attitude of the American diplomats to the beginning of the mass political trials at the mid of the 1930', and future anticommunist tensions in the transition in Soviet-American relationships. The author stresses the psychological effect of the purges on the US diplomats.

Key words: American diplomatic service, soviet political purges, American public opinion

В 30-е гг. террор и репрессии во внутренней жизни Советского государства были камнем преткновения в отношении к нему ведущих политических сил и широкой общественности стран Запада. Их могли отчасти понять и оправдать в военное время, когда ставкой была национальная независимость и требовалась монолитная сплочённость всего общества. Но в мирное время, при отсутствии внешней опасности, насилие репрессивных органов государства в отношении гражданского населения воспринималось совершенно иначе.

Политический террор в Стране Советов с разной степенью интенсивности не прекращался со времени Октябрьской революции. Но отношение к нему со стороны американцев было неоднозначным. Террор во время революции и гражданской войны в России воспринимался хоть и с сожалением, но с пониманием. Многие современники ещё помнили события Гражданской войны в США (1861 – 1865 гг.), во время которой погибло больше американцев, чем за две мировые войны. Борьба Советской власти с эсерами и меньшевиками, за исключением небольшой горстки интеллектуалов, осталась вне поля зрения американского общества. Соединённые Штаты вступали в фазу интенсивного экономического развития, и рядовых обывателей события за рубежом, в том числе и в России, мало интересовали. По этим же причинам незамеченными ока-

ТИХИЙ Константин Теодорович, д.и.н., профессор кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета (г. Уссурийск). E-mail: Kontih@mail.ru

зались те методы, которые использовало советское руководство в борьбе с троцкистами. Более того, обозреватели за океаном с облегчением констатировали, что с политической гибелью Троцкого и его сподвижников, вероятно, уйдёт в прошлое идея «перманентной революции».

Таким же образом, в целом, прореагировало американское общество и на политические преследования во время коллективизации и раскулачивания. Эти репрессии не стали откровением для Запада. В начале 30-х гг. во многих странах прошли кампании, осудившие использование в СССР принудительного труда заключённых, выдвигались требования бойкота советских товаров. Однако эти акции политических последствий не имели. Большая часть мировой общественности расценивала их как провокационные [2, с. 100].

За такую ситуацию значительную долю ответственности несут левые интеллектуалы, которые широко распространяли в Соединённых Штатах мысль об уникальности советской «социальной инженерии», которая якобы позволит в ближайшее время избавить советский народ от рецидивов прежней несправедливой социальной системы. В «пережитках прошлого» оказались «кулаки» и «подкулачники», которых якобы пытались «перевоспитать» в сталинских лагерях. В либеральных изданиях США нередко появлялись статьи журналистов, в которых восхвалялись новшества и достоинства советской пенитенциарной системы. Таким образом, о масштабах политических репрессий в Советском Союзе в 20-е гг. средний американец мог лишь догадываться. Его больше интересовало собственное материальное благополучие и мало беспокоило то, что происходит за пределами Америки. Заметим, что это в основном не касалось политического истеблишмента США, который придерживался противоположных позиций.

Экономический кризис (1929 – 1933 гг.), реформистский «новый курс» Ф.Д.Рузвельта, вызвал серьёзные подвижки в общественном сознании американцев. Впервые масштабно встал вопрос о пределах вмешательства государства в частную жизнь граждан в интересах всех слоёв населения, насколько далеко можно поступиться политическими, гражданскими правами ради экономического оздоровления и социальных реформ. Экономический кризис и надежды на возможный выход из него за счёт торгово-экономических отношений с СССР, рост агрессивных сил в Европе и на Дальнем Востоке побудили американское правительство в ноябре 1933 г. пойти на признание СССР. Это привело к возможности расширения связей между двумя странами.

Однако надежды американцев на взаимовыгодное сотрудничество в скором времени исчезли. Нерешённость проблемы российского государственного долга Соединённым Штатам привела к явной стагнации и даже к сокращению товарооборота между странами. Было очевидным нежелание правительства США участвовать в коллективных усилиях по поддержанию международной безопасности. Наконец, негативное воздействие на американскую общественность произвела очередная волна политических репрессий в Советском Союзе вскоре после убийства С.М. Кирова.

Одним из каналов поступления официальной (помимо журналистов) информации об этих процессах за океан служило американское посольство. Конечно, в силу своего дипломатического статуса, работники посольства старались воздерживаться от публичных комментариев. Но это не мешало им делиться своими впечатлениями о процессах в частных беседах с коллегами и журналистами. На основе внутриведомственной и частной дипломатической переписки, в правительстве и госдепартаменте США формировалось представление о причинах, целях и масштабах начавшейся в середине 1930-х гг. новой волны репрессий в СССР.

На 1 июля 1934 г. американское посольство в Москве состояло из советника Дж. Уайли, второго секретаря Л. Гендерсона, третьих секретарей Дж. Кеннана, Ч. Болена, Б. Кунихолма. Военная миссия была представлена тремя специалистами, включая военного атташе майора Ф. Фейнмонвилла. Консульский отдел насчитывал 4 сотрудника. Возглавлял посольство Уильям К. Буллит [4, с. 39-44]. Большинство из них не питало никаких иллюзий в отношении советского режима.

Некоторые молодые дипломаты (Дж.Кеннан и Ч.Болен) ещё во время пребывания в составе американской миссии в Риге поддерживали тесные контакты с русскими белоэмигрантскими кругами в Прибалтике. Разработанная в 1928 г. госдепартаментом специальная программа подготовки специалистов по России предусматривала изучение русского языка, русской культуры, а также огромного количества литературы, поступавшей из Советского Союза о жизни страны, деятельности Коминтерна, внешнеполитических контактах СССР с другими странами. Как вспоминал позже Ч.Болен, нередко эта литература была написана с откровенно антикоммунистических позиций [5, р. 10-11].

Некоторым исключением из этой когорты дипломатов был первый американский посол У.Буллит. В период подготовки Парижской мирной конференции (1919 г.) он встречался с В.И.Лениным. Накануне 1933 г. он искренне верил в возможность дружественных отношений с Советским Союзом. Но вскоре его амбиции и претензии на роль главного действующего лица в развитии советско-американских отношений, более тесное с советской бюрократией привели дипломата в лагерь последовательных критиков сталинизма.

1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит первый секретарь областного комитета ВКП(б) С.М. Киров. Члены американского посольства были встревожены смертью Кирова, которого рассматривали как «одного из наиболее умеренных и способных советских руководителей» [8, р. 427]. Реакция официальных властей последовала незамедлительно. Однако сообщения в советской прессе о расстреле 103 «польских белогвардейцев» не убедили дипломатов в том, что казнённые, которые, очевидно, уже несколько лет находились в тюрьме, могли иметь какое-либо отношение к убийству Кирова.

Первое, что обращало на себя внимание сотрудников посольства – замешательство советской прессы в попытке определить участников покушения. Некоторые журналисты обвиняли в убийстве бывших белогвардейцев и контрреволюционеров, живших в Ленинграде. Другие возлагали ответственность на группы террористов, которые якобы проникли с территорий Латвии, Польши и Эстонии. Третьи указывали на Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других бывших сторонников Л.Д. Троцкого как на участников заговора.

Лишённым достоверной информации, сотрудникам посольства приходилось лишь гадать о причинах покушения. В некоторых дипломатических представительствах в Москве отчасти разделяли слухи о том, что убийство видного советского и партийного деятеля могло представлять собой своеобразную атаку левого крыла коммунистов на сталинское руководство. У левых могли быть основания для недовольства растущим разрывом в политическом и экономическом положении так называемой «новой интеллигенции» и рядовых рабочих и крестьян. Их также мог не устраивать внешнеполитический курс Сталина на сотрудничество с капиталистическими государствами.

В американском посольстве изначально преобладала точка зрения, что Киров был убит Николаевым по причинам личного характера [6, р. 118-121; 8, р. 429]. Дипломаты, по признанию Ч.Болена, с самого начала с подозрением относились к официальным сообщениям о суще-

ствовании «контрреволюционной террористической группы» [5, p. 43].

Ещё более неопределённой для них с самого начала представлялась роль НКВД в этих событиях. Лишь спустя значительное время дипломатам стали известны факты, указывавшие на то, что убийство могло быть спланировано лично Сталиным для того, чтобы избавиться от опасного соперника и одновременно обеспечить предлог для уничтожения явной и тайной оппозиции.

Так, например, американцы отмечали, что все сотрудники НКВД, (включая наркома НКВД Г. Ягоду), отвечавшие за охрану Кирова, которые могли быть прямо или косвенно осведомлены о соучастии Сталина, были впоследствии устранены. То обстоятельство, что постановление ЦИК, определявшее круг ответственных за покушение, было опубликовано почти сразу после преступления, также рассматривалось как свидетельство того, что убийство было тщательно спланировано заранее. Кроме того, едва ли было случайно, что секретарь ЦИК А. Енукидзе, который готовил проект постановления, стал одной из первых жертв политических репрессий.

Дж. Кеннан, который придерживался такой точки зрения, в своих мемуарах подчёркивал, что даже в период «хрущёвской оттепели» утверждение о личной причастности Сталина к этому делу никогда твёрдо не опровергалось советским руководством [9, p. 65]. То же подтверждали и другие современники [8, p. 429].

На раннем этапе чисток, в период с конца декабря 1934 г. по 1935 г. большинству жертв предъявлялись обвинения в террористической деятельности с целью подрыва экономической и политической мощи Советского государства. Американцы отмечали, что упор на шпионаж и тайный сговор с иностранцами был относительно невелик, хотя непосредственно после инцидента ссылки делались на то, что «заговорщики» проникли в Советский Союз с территорией ряда прибалтийских государств. Однако участие зарубежных стран не подчёркивался вплоть до 1936 г.

Арестованные в декабре 1934 г., по свидетельству дипломатов, принадлежали к двум различным категориям общества: представителям бывших правящих классов и к, так называемой, «зиновьевской оппозиции». Консул Д. Уайли в одном из своих докладов, написанном во второй половине марта 1935 г., утверждал, что в Ленинграде было арестовано 1074 человека, которые представляли остатки старого русского дворянства, капиталистов, землевладельцев, представителей высших военных и гражданских чинов царского режима, а также членов их семей [8, p. 431].

Состав «Ленинградского центра» был не таким многочисленным. Правительственное коммюнике в советской прессе приводило фамилии 14 человек, включая Николаева. В посольстве довольно быстро разобрались, какой размах приобретает расследование обстоятельств убийства Кирова и какими средствами будет вестись борьба с оппонентами. Уже 24 декабря 1934 г. Д. Уайли направил телеграмму в госдепартамент, в которой привёл мнение ответственного (анонимного) советского работника, которое сводилось к тому, что правительство СССР избрало «политику террора для борьбы с террором» [8, p. 431]. Дипломат также во второй половине марта 1935 г. информировал американское внешнеполитическое ведомство о том, что, по оценкам обозревателей, количество арестованных и высланных только из Ленинграда составляет от 60 до 100 тыс. чел. [8, p. 431]. Буллит считал эту цифрой завышенной. Спустя пять месяцев после покушения на С. Кирова в личном письме Ф.Д. Рузвельту он отмечал, что количество высланных из Ленинграда по разным оценкам составило от 7 до 21 тыс. чел. [6, p. 121].

Крупномасштабные аресты привели к росту опасений и подозри-

тельности в высших эшелонах власти Советского Союза. 8 июня 1935 г. У. Буллит сообщал в госдепартамент: «...Трудно преувеличить страх, который сейчас существует внутри партийной организации Москвы». Он указывал, что насильственный роспуск в мае 1935 г. Общества старых большевиков и арест многих его членов, стал жестоким потрясением для признанных вождей партии [8, p. 432].

В течение 1935 г. иностранцам становилось всё труднее встречаться и общаться с официальными представителями власти и рядовыми гражданами. В начале 1935 г. было арестовано настолько много советских работников, которые прежде часто контактировали с зарубежными дипломатами и журналистами, что остальные старались держаться подальше от иностранцев. В то же время в посольстве отмечали, что официального обращения советских властей с просьбой воздержаться от общения с иностранцами, не было опубликовано. В этой связи Ч. Болен вспоминал, что «даже обыватель, который в 1934 г. был доступен и дружески расположен, теперь избегал всех контактов с иностранцами» [5, p. 44]. Работники американского посольства знали об арестах не только понаслышке. Так, У. Буллит конфиденциально сообщал Ф.Д.Рузвельту об аресте своего приятеля, частого гостя посольства, в прошлом заместителя директора Интуриста, Георгия Андрейчина [7, p. 493; 4, с. 85].

Особо тяжёлое впечатление складывалось у дипломатов о методах работы НКВД. «В каждом случае в два часа ночи, – писал Буллит, – появлялась тайная полиция, врывается в квартиру, забирает все бумаги, опечатывала комнату, в которой находились книги, и увозила главу семейства». Более всего его поражало то, что со времени исчезновения члена семьи, ближайшие родственники не имели абсолютно никакой информации об арестованном [6, p. 151].

Аресты проводились даже в здании, где проживали сотрудники американского посольства. Некоторые из них были косвенными свидетелями арестов советского журналиста П.Л.Михальского (Лапинского) и заведующего протокольным отделом НКВД Д.Т.Флоринского [5, p. 44].

Атмосферу нервозности усугубляла постоянная слезка сотрудников НКВД за иностранными дипломатами. Советская сторона мотивировала её необходимостью «охранять» дипломатов. Кроме того, обслуживающий персонал иностранных представительств также подбирался НКВД. Тем не менее, хотя круглосуточная слезка не могла не раздражать дипломатов, она, по их собственному признанию, иногда помогала им избежать непредвиденных неприятностей [5, p. 30; 8, p. 291-292].

Американские дипломаты обратили внимание и на то, что с изменением внешней политики СССР изменилась и аргументация в обвинениях на судебных процессах. По их мнению, многие советские руководители были разочарованы нежеланием Франции и Великобритании вооружённым путём помешать нацистской Германии захватить Рейнскую область в марте 1936 г., в связи с чем советско-французский пакт в их глазах представлял фикцией. Поэтому руководство СССР предприняло атаку на троцкистов как на пособников гитлеровской Германии. Отсюда и изменения в характере обвинений: всячески стала подчёркиваться связь арестованных с международной реакцией и шпионажем. Сотрудники американского посольства отмечали эти тенденции с замешательством. «Для нас казалось почти невероятным, – писал Л.Гендерсон, – что троцкисты могли найти платформу для сотрудничества с антисемитом Гитлером» [8, p. 433].

На первый публичный процесс над Зиновьевым, Каменевым и другими членами «троцкистского террористического центра» 19 августа 1936 г. удалось попасть лишь шести иностранным дипломатам. Среди них был единственный представитель США – второй секретарь посоль-

ства Лой Гендерсон. В результате личных наблюдений и после тщательного обсуждения судебного процесса со своими коллегами по работе им была направлена в госдепартамент депеша, в которой отражалось общее мнение американского представительства о происходивших событиях. В ней были изложены и личные впечатления автора.

Иностранцев, присутствовавших на судебных заседаниях, прежде всего, поразила «манера, с которой подсудимые обвиняли себя и Троцкого и вовлекали (в процесс. – К.Т.) имена других выдающихся советских руководителей, которые в прошлом противостояли Сталину». Им было трудно с уверенностью определить, в какой степени члены «Ленинградского центра» были виновны в тех преступлениях, в которых они признались, или объяснить мотивы, побуждавшие их к такому поведению. В целом большинство иностранцев, в том числе американцы, пришли к заключению, что, вероятно, Зиновьев, Каменев и другие подсудимые могли временами входить в контакт с менее известными т.н. «террористами», вести разговоры о целесообразности убийства Сталина. Могли даже планировать свои действия на случай его смерти. Но американцы решительно отвергали вероятность того, что обвиняемые входили в число участников конкретного заговора с целью убийства Кирова, Сталина или кого-либо другого. Дипломаты придерживались мнения, что Троцкий не посылал подсудимым каких-либо инструкций по организации террористических актов. Кроме того, не было никаких свидетельств связи Зиновьева, Каменева и других обвиняемых с немецкими спецслужбами.

В упомянутой выше телеграмме Гендерсона от 27 августа 1936 г. было также изложено мнение американского дипломатического корпуса о вероятных причинах и целях политического процесса, краткое содержание которого можно свести к нескольким пунктам:

1. Судебные разбирательства и казни необходимы для подавления и предотвращения растущей или возможной оппозиции внутренней и внешней политике Кремля со стороны «левых коммунистов». Основаниями такого недовольства могли служить растущая дифференциация в зарплате советских граждан, рост влияния «новой интеллигенции» и т.д. Необходимо было нейтрализовать влияние бывших вождей партии, которым не доверял Сталин.

2. Советскому руководству необходимо было исправить впечатление у некоторых членов партии, что провозглашённая в 1936 г. Конституция СССР открывает новую эру, когда можно безопасно критиковать некоторые направления политики руководства страны.

3. По возможности списать определённые провалы в реализации экономических и финансовых планов на саботаж Троцкого и его последователей. Самого Троцкого попытаться лишить авторитета как в народном (антифашистском) фронте, так и в мировом революционном движении в целом.

4. По возможности усилить ненависть зарубежных друзей Советского Союза к германским фашистам [8, p. 433-435].

В межвоенный период иностранцы неоднократно высказывали сожаление по поводу нежелания Советского правительства прислушаться к мировому общественному мнению. Первые открытые судебные процессы с приглашением на них иностранных представителей, по замыслу их устроителей, были призваны убедить мировую общественность в обоснованности обвинений, предъявленных подсудимым, и в формальном соблюдении судебно-процессуальных норм.

В течение 1935 г., пока Зиновьев и Каменев находились в заключении, развернулась обработка общественного мнения в стране и за рубежом против прежних оппозиционеров. Дело изображалось так, будто

эти оппозиции хотя и были разгромлены, они всё-таки не только сумели сохранить свои кадры, но и наладить деятельность в масштабах, превосходивших размах их действий в 20-е гг. [1, с. 182].

Однако на деле, первые открытые процессы были настолько неуклюже сфабрикованы властями, что их результат воздействия на мировое общественное мнение имел совершенно противоположный эффект. Присутствовавший на первом открытом заседании суда в августе 1936 г. Л.Гендерсон послал в госдепартамент специальную депешу, в которой излагал ход процесса. Он отмечал, что подсудимые при даче показаний были очень осторожными, боясь вступить в спор с прокурором А.Вышинским. «Отвечая на некоторые его вопросы, – писал американский дипломат, – они проявляли колебания, как-будто бы не были уверены, каков должен быть ответ. Когда возникали такие случаи, он обычно помогал им, ставя вопрос таким образом, чтобы было ясным, каким должен быть ответ» [8, р. 436-439].

Наблюдая за этим фарсом, Гендерсон сравнивал Вышинского с дрессировщиком, проводившим серию сложных трюков с группой хорошо обученных тюленей. В его представлении методы, которые использовались для выуживания признаний из невиновных, выглядели «средневековыми», «инквизиторскими». Представления дипломата разделяли и другие иностранные обозреватели. Работники американского посольства отмечали, что даже многие знакомые ему русские были склонны рассматривать показательный процесс со скептицизмом. Заметным итогом чисток стало существенное снижение уверенности и открытости официальных советских представителей при общении с иностранцами. Это выразилось в их боязни принятия какого-либо решения без затяжных предварительных консультаций с вышестоящими органами.

Размах массовых арестов и чисток вновь привлёк внимание сотрудников посольства к инструменту террористической политики советского режима – НКВД. В телеграмме госсекретарю США К.Хэллу 20 апреля 1936 г. У. Буллит пояснил «секрет» «безусловной лояльности» органов НКВД Сталину: они получают больше продовольствия, лучше обеспечиваются жильём, им предоставляется больше развлечений, чем какой-либо другой категории населения СССР [6, р. 155]. Кстати, подобная практика весомых привилегий (по своему статусу), для спецслужб СССР не отличается от других стран. Другое дело, что У.Буллит не мог предвидеть, какой серьёзный урон понесут сами чекисты в ходе чисток.

Таким образом, американские дипломаты имели разносторонние представления о причинах и целях первых крупных политических процессов. И хотя сотрудники посольства не могли ещё чётко представить будущий размах политических репрессий в СССР, они верно уловили общее направление террора в нашей стране, тенденциозность обвинений, предъявляемых арестованным и, самое главное, на мой взгляд, тенденцию к их массовости.

Важным условием для этого служило общее ухудшение советско-американских отношений, связанное с тупиком в переговорах по долгам и проведением VII Конгресса Коминтерна, на котором, пусть и в незначительных эпизодах, участвовали американцы, что формально нарушало принцип невмешательства во внутренние дела двух стран. Другим немаловажным фактором, повлиявшим на усиление антисоветских устремлений сотрудников посольства, явилось резкое ухудшение условий нормального функционирования иностранных дипломатических представительств в Советском Союзе. «При таких обстоятельствах, – писал У. Буллит, – необычайно трудно сохранять слащавую и любезную внешность» [6, р. 115]. Отчётливо выраженная ксенофобия среди большинства советских граждан, оправданное опасение любых контактов с

иностранцами, в том числе и с американцами, накладывали негативный отпечаток на развитие отношений между СССР и США. Несмотря на политику экономического и политического давления Соединённых Штатов на СССР в середине 30-х гг., которая предопределяла предвзятость в освещении американскими дипломатами событий в СССР, основные тенденции внутреннего политического развития Союза на ближайшую перспективу американские дипломаты определили верно.

Литература

1. Васецкий Н.А. Ликвидация. Сталин, Троцкий, Зиновьев: фрагменты политических судеб. М.: Моск. рабочий, 1989. 202 с.
2. Загладин Н.В. История успехов и неудач советской дипломатии. М.: Междунар. отнош., 1990. 229 с.
3. Севостьянов Г.Н. Москва-Вашингтон. Дипломатические отношения. 1933 – 1936. М.: Наука, 2002. 537 с.
4. Советско-американские отношения. 1934 – 1939. / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: МФД. 800 с.
5. Bohlen C.E. Witness to History. 1929-1969. N.Y.; Horton, 1973. XIV, 562 p.
6. For the President, Personal and Secret. Correspondence Between F.D. Roosevelt and W.C. Bullitt / Ed. By O.H. Bullitt. Boston: Mifflin, 1972. XLVI, 655 p.
7. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vols 1-3 / Ed. by E.B. Nixon. Cambridge (Mass.): Belknap Press. 1969. Vol. 1.
8. Henderson L.A. Question of Trust. The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations. The memoirs of Loy W. Henderson / Ed by Bayer C.W. Stanford (Cal): Hoover inst. Press, 1986. XXX, 579 p.
9. Kennan G.F. Memoirs. Boston-Toronto: Little, Brown, 1967 – 1972. Vol. 1. 1925 – 1950. 583 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vasetskij N.A. Likvidatsiya. Stalin, Trotskij, Zinov'ev: fragmenty politicheskikh sudeb. M.: Mosk. rabochij, 1989. 202 s.
2. Zagladin N.V. Istoriya uspekhev i neudach sovetskoj diplomatii. M.: Mezhdunar. otnosh., 1990. 229 s.
3. Sevost'yanov G.N. Moskva-Vashington. Diplomatičeskie otnosheniya. 1933 – 1936. M.: Nauka, 2002. 537 s.
4. Sovetsko-amerikanskije otnosheniya. 1934 – 1939. / Pod red. G.N. Sevost'yanova. M.: MFD. 800 s.
5. Bohlen C.E. Witness to History. 1929-1969. N.Y.; Horton, 1973. XIV, 562 p.
6. For the President, Personal and Secret. Correspondence Between F.D. Roosevelt and W.C. Bullitt / Ed. By O.H. Bullitt. Boston: Mifflin, 1972. XLVI, 655 p.
7. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vols 1-3 / Ed. by E.B. Nixon. Cambridge (Mass.): Belknap Press. 1969. Vol. 1.
8. Henderson L.A. Question of Trust. The Origins of US-Soviet Diplomatic Relations. The memoirs of Loy W. Henderson / Ed by Bayer C.W. Stanford (Cal): Hoover inst. Press, 1986. XXX, 579 p.

9. Kennan G.F. Memoirs. Boston-Toronto: Little, Brown, 1967 – 1972. Vol. 1. 1925 – 1950. 583 p.